

Неповторимость таланта

СЕГОДНЯ Е. З. КОПЕЛЯНУ
ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 70 ЛЕТ

Передо мною пачка писем в уже истертых временем конвертах. Письма-исповеди и письма-рецензии, письма-просьбы и письма-благодарности, навивно-бесхитростные и умудренно-философские, все они были объединены личной заинтересованностью зрителей в творческой и человеческой судьбе адресата — Ефима Захаровича Копеляна. И сегодня можно с полным основанием сказать, что искусство этого талантливого актера навсегда стало неотъемлемой принадлежностью духовной жизни разных поколений его современников.

Почти подотры сотни ролей, сыгранных им на сцене, в кино, на телевидении. Но разве ими одними определяется в конечном счете копеляновская популярность, которую мы вправе были бы назвать зрительской потребностью в Копеляне? Неповторимая копеляновская индивидуальность. Его неразгаданная притягательность. Высокая духовность его таланта и обаяние. Отточенный и непогрешимый профессионализм и естественность сиюминутного существования.

Актерская слава Копеляна не была нечаянной и внезапной. Она накапливалась как бы исподволь, терпеливо дожидаясь своего часа, когда актеру предстояло стать Копеляном. А Копеляном он стал в том единственном театре, с которым навсегда была связана его актерская судьба, — в БАТ имени М. Горького. Именно там, на Фонтанке, родился художник, способный по-новому понять и объяснить своих героев, там возникло и само художественное понятие — Копелян, которым можно было хоть в малой степени обозначить неповторимость этих героев.

Творческая родина Копеляна — сцена. И не просто сцена, а именно сцена современная с ее стремлением, говоря словами Г. А. Товстоногова, «создавать догадку о происходящем» и вместе с тем с ее психологической точностью, с ее лаконизмом и многозначностью.

С приходом в театр Г. А. Товстоногова связано наступление актерской зрелости Копеляна.

А начиналось их творческое единомыслие с непритязательной комедии «Когда цветет акация». Е. Копелян в паре с Л. Макаровой получил роль ведущего, выступавшего в спектакле от имени автора и от себя лично. Режиссеру необходимо было одухотворить поверхностные комедийные ситуации пьесы, наполнить их человеческим содержанием. Именно это он и сделал, обратившись к Копеляну-актеру, к Копеляну-личности.

Сегодня, оглядываясь назад, всматриваясь в лица копеляновских героев, вслушиваясь в их голоса, отчетливо видишь, как, несмотря на свою несхожесть, все они оказываются объединены актерской индивидуальностью своего создателя. Все они решают какой-то принципиально важный вопрос своего существования, решают на грани философского прозрения и иронического саморазоблачения.

Таким был синьор Марио («Синьор Марио пишет комедию») — творец-художник, пытавшийся свой раздумья о жизни перенести в инобытие, одушевить ими своих литературных героев. Таким отчасти был в исполнении Копеляна и полковник Вершинин («Три сестры»), пронесший свое страдание, свою мечту о невозможности счастья не как мученик дога, но как человек, трагически эту невозможность осознавший.

И уж в полной мере таким был Савва Морозов, сыгранный актером дважды — на экране и на сцене. Сыгранный по-разному, с той точной мерой размежевания и взаимообогащения двух искусств, которая подвластна только современно мыслящему актеру. Духовный кризис, трагедия Морозова в том, что его человеческое, личностное находилось в непоправимом разладе с социальным. В этой, по словам М. Горького, «мужичьей, купеческой, стяжательной» душе причудливым образом уживались холодный расчет и безысходное отчаяние, незаурядная талантливость и сухой практицизм, бесстрашие хозяина жизни и страх одинокого человека. В трагедии Саввы Морозова, ценой собственной жизни расплатившегося за невозможность обрести себя, Копелян играл возведение человека, его нравственную бескомпромиссность.

Сам актер любил часто повторять, что в характере героя для него важнее всего «незаданность, скорее даже неожиданность превращений», которая на деле оказывалась «внутренней глубинной сутью образа». Так пробуждался на наших

глазах беглый каторжник Джексон в спектакле «Не склонившие головы». Его огрубевшая, ожесточившаяся душа оказывалась вдруг споробной выплеснуть со дна своего то лучшее, что подспудно жило в этом «обесчеловеченном» человеке. Так прозревал, столкнувшись со звериной жестокостью царского произвола, казачий атаман Елисей Каргин в фильме «Даурия».

Гуманистический пафос в постижении и осмыслении человеческих судеб помог Копеляну в его попытке раскрыть тайну «великого грешника» Свиригайлова (фильм «Преступление и наказание»). Тот Свиригайлов, который несет в себе «отчаяние самое циничское», близок Раскольникову и доведенным до крайности эгоистическим индивидуализмом, верой в свою исключительность, и способностью перешагнуть нравственный предел. И вместе с тем героя Копеляна отличала от Раскольникова исчерпанность жизненных ресурсов, осознание своей ненужности, ставшее не только следствием, но и первоосновой его поступков.

В театре Копеляна называли полусутоливо и с любовью «наш Габен», отдавая дань его мужественной и сдержанной простоте — на сцене и в жизни. Но известно было и другое: Копелян с необычайным упоением любил окунуться в стихию комического, веселого. У него, актера глубоко запрятанного обостренного драматизма, возникала потребность прямого воплощения присущего ему чувства юмора, иронического и насмешливого взгляда со стороны.

Однако и в своих комедийных персонажах Копелян отыскивал прежде всего не комическое, а драматическое начало. Достаточно вспомнить маленькую, но необыкновенно изящно отыгранную роль Платона Михайловича Горича в спектакле «Горе от ума».

Как всякий большой художник, существующий в неразрывной связи с эпохой, со временем, его породившим, актер мечтал о роли своего современника, прежде всего близкой ему целеустремленностью духовного поиска.

...Не распылятой, абстрактной или умозрительной, а какой-то ненавязчивой мудростью овеян был Тулулов-старший из «Трех мешков сорной пшеницы» (последняя, по сути дела так и не сыгранная перед широким зрителем роль Ефима Захаровича).

Копелян по праву гордился своим трудным и благородным ремеслом, а мы, его зрители и современники, вправе гордиться всем, что он внес в наше искусство, — в театре, кинематографе, на телевидении.

Ирина ЦИМБАЛ